

СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ

Мадина Эскендерова

Мадина ЭскендEROва

Свидетель обвинения

«Автор»

2026

Эскендерова М. Р.

Свидетель обвинения / М. Р. Эскендерова — «Автор», 2026

В городок на Миссисипи приходит человек без тени. Он продаёт молнии. Он читает мысли. Он предлагает мальчику Эймосу экскурсию по человеческой душе. Бесплатно. Но цена у этой экскурсии всё-таки есть — вера, надежда и все иллюзии разом. Философская притча в духе позднего Марка Твена — о Боге, морали и смысле жизни, которого нет, пока ты сам его не создашь.

© Эскендерова М. Р., 2026

© Автор, 2026

Мадина Эскендерова

Свидетель обвинения

СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ

Повесть о смысле, которого нет

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРОДОК, КОТОРЫЙ БОГ ЗАБЫЛ, А ДЬЯВОЛ ВСПОМНИЛ

Глава 1. Не жди чуда

Если вы когда-нибудь сплавлялись вниз по великой реке Миссисипи на старом колесном пароходе, вы наверняка пропустили Закатный Тупик. И слава Богу. Потому что заметить его можно было только в том случае, если пароход застревал на мели ровно напротив того места, где река, словно устыдившись своей широты, делала трусливый изгиб и пряталась в зарослях плакучих ив. Там, на подгнивших сваях, ютился причал, который местные жители гордо именовали «портом», хотя за последние десять лет к нему не пришвартовалось ни одно судно крупнее лодки старого Джеба-перевозчика, да и та протекала в семнадцати местах.

Сам городок насчитывал четыре улицы, две из которых не имели названия, а две другие назывались Главная и Болотная — и, честно говоря, разницы между ними не наблюдалось никакой. Тридцать семь домов, церковь, таверна «Сытый путник», где никто никогда не был сыт, но все были пьяны, кузница, лавка мистера Грили, где продавалось всё — от патоки до надгробных камней, — и бесконечное, удушающее чувство, что мир где-то там, далеко, а ты сидишь на дне банки с мутной водой и ждешь, пока кто-нибудь эту банку выльет.

В этом благословенном месте и появился на свет Эймос Кроу. Явился он на свет в ночь, когда его отец, Джебеда Кроу, проиграл в карты семейный чугунок, а мать, Ханна, молилась Пресвятой Деве, чтобы схватки прекратились, потому что она не хотела рожать ребенка в мир, где муж способен проиграть чугунок. Но Пресвятая Дева, по-видимому, была занята более важными делами — возможно, помогала какому-нибудь графу выиграть войну, — и схватки не прекратились. Так Эймос Кроу вступил во владение жизнью, и, как показало будущее, это была не самая удачная сделка.

К двенадцати годам Эймос представлял собой зрелище, способное вызвать слезу умиления у слепого и приступ тошноты у эстета. Это был долговязый мальчишка с соломенными волосами, которые торчали во все стороны, словно испуганное семейство дикобразов, и веснушками, густо усеявшими его нос с таким усердием, будто природа решила превратить его лицо в карту звездного неба. Глаза у него были голубые, доверчивые и постоянно прищуренные — не от мудрости, а оттого, что он потерял очки еще в семилетнем возрасте и с тех пор видел мир слегка размытым, что, возможно, было к лучшему. Одевался он в то, что оставлял на чердаке его покойный дед, а дед, судя по всему, был человеком, глубоко равнодушным к портновскому искусству. Штаны Эймоса держались на одной подтяжке, вторая была утеряна при обстоятельствах, о которых он предпочитал не рассказывать, а рубаша имела цвет, который можно было бы назвать «серо-буро-малиновым в крапинку», если бы крапинки не были пятнами

от ежевичного сока, смолы и чего-то такого, чему название мог дать только химик.

Но если одежда Эймоса оставляла желать лучшего, то его внутренний мир был обставлен с роскошью, достойной королевского дворца. В его голове обитали драконы, благородные разбойники, призраки с понятием о чести и, главное, Бог. О, этот Бог был велик! Эймос представлял Его себе как доброго старика с седой бородой, который сидит на золотом троне где-то над облаками, ведет бухгалтерскую книгу и записывает в неё каждый хороший и дурной поступок. За хороший поступок — за то, что поделился с сиротой последней коркой, — в книгу заносилась строка чернилами. За плохой — например, за то, что подложил лягушку в шляпу учителя, — строка заносилась красными чернилами. В конце жизни книга подсчитывалась, и если черные строчки перевешивали красные, тебя пускали в Рай — место, где не нужно работать, где всегда светит солнце и где подают имбирный лимонад в неограниченных количествах. Если же красные строчки брали верх — что ж, тогда прямая дорога в Ад, где черти с вилами и сковородками ждали тебя с нетерпением, достойным лучшего применения.

Эта система казалась Эймосу в высшей степени справедливой. Она объясняла всё. Почему старый Грэм, владелец ссудной кассы, живет в кирпичном доме и ест жареного гуся, а вдова Моррисон, у которой семеро детей, ютится в лачуге и собирает объедки? Очень просто: старый Грэм, должно быть, имеет какой-то тайный счет в Небесном банке, о котором никто не знает, а вдова, возможно, совершила какой-то неведомый грех в молодости — может, она украла ленту или пожелала мужней жены, — и теперь расплачивается. То, что сама вдова была воплощением кротости, а старый Грэм — воплощением жадности, Эймоса не смущало. Небесная бухгалтерия неисповедима, и точка.

Единственным, что омрачало эту стройную картину, была та самая дохлая лягушка, которую он носил в кармане.

Лягушка появилась у него год назад, в день, когда умерла его мать. Это была, надо сказать, совершенно обыкновенная лягушка, небольшая, зеленая, с золотистыми глазами. Эймос нашел ее на берегу реки сразу после похорон. Она сидела на камне и смотрела на него с выражением, которое он истолковал как сочувствие. В то время как люди — добрые христиане, заметьте — подходили к нему и говорили заученные фразы вроде «Бог забирает лучших» или «Она теперь в лучшем мире», от которых ему хотелось выть, лягушка просто сидела и молчала. Это молчание было самым честным, что он услышал за весь тот день.

Эймос посадил лягушку в карман и принес домой. Отец, пребывавший в запое, лягушку не заметил, да если бы и заметил — не подал бы виду. Так земноводное поселилось в доме Кроу, и с этого момента, по мнению Эймоса, стало его талисманом. Лягушка не приносила удачи в общепринятом смысле, но она служила напоминанием. О чем именно, он и сам не мог бы сказать — возможно, о том, что в мире есть существа, которые не лгут.

Когда лягушка умерла, а умерла она по естественным причинам, а именно оттого, что Эймос забыл вынуть ее из кармана перед стиркой, которую он, впрочем, затеял впервые в жизни,

мальчик не выбросил тельце, а высушил его на солнце и продолжал носить с собой. От лягушки исходил специфический запах, но Эймос находил его даже приятным — запах имел свойство отгонять людей, чьи утешения были ему не нужны.

Таков был Эймос Кроу в начале лета 1853 года — мальчик сдохлой лягушкой в кармане и с непоколебимой верой в Небесную Бухгалтерию. Он не знал, что лето принесет встречу, которая перевернет его мир, вытряхнет из него Бога, Дьявола, Смысл и всех прочих жильцов и оставит только одно — странное, горькое чувство свободы, которое одни называют проклятием, а другие — мудростью.

Глава 2. В которой появляется человек без тени и начинаются странности

День, с которого всё началось, был таким жарким, что куры отказывались нести яйца, а собаки — лаять. Солнце висело над Закатным Тупиком, словно раскаленная сковорода, которую какая-то космическая кухарка забыла снять с плиты. Воздух стал густым и вязким, как патока, и каждый вдох требовал усилий. Даже комары, эти неутомимые труженики сатаны, и те попрятались в тень, оставив людей в покое — верный признак того, что жара достигла библейских масштабов.

Эймос сидел на причале, свесив босые ноги к воде, и размышлял о природе справедливости. Повод для размышлений был более чем достойный: сегодня утром он стал свидетелем того, как миссис Пибоди, жена местного аптекаря, собственноручно подсыпала какой-то порошок в суп своего мужа. Эймос видел это собственными глазами через щель в заборе. Он не понял, что это был за порошок, но выражение лица миссис Пибоди в тот момент было таково, что любому стороннему наблюдателю стало бы ясно: ни о каком улучшении кулинарных качеств супа речь не шла.

Вечером того же дня мистер Пибоди слег с жестокой резью в животе, а миссис Пибоди, облачившись в свое лучшее черное платье с белым воротничком, отправилась в церковь на вечернюю службу, где пела псалмы таким ангельским голосом, что у прихожан на глаза наверчивались слезы. Эймос сидел на скамье для бедных и смотрел на нее, разинув рот. Как? Как это возможно? Как можно петь «Господь — пастырь мой» голосом, от которого плачут младенцы, и при этом носить в ридикюле яд?

Ответа у мальчика не было. Небесная Бухгалтерия давала сбой.

Вот с такими мыслями он и сидел на причале, болтая ногами и глядя на мутную, коричневую воду Миссисипи, которая лениво катила свои волны, не думая ни о Боге, ни о миссис Пибоди, ни о дохлых лягушках.

— Добрый день, юный джентльмен, — произнес голос у него за спиной.

Голос был примечательный. Он не был ни громким, ни тихим, ни высоким, ни низким. Он был... ровным. Таким ровным, каким бывает зеркало или поверхность пруда в безветренный день. В нем не было ни тепла, ни холода — просто констатация факта, словно само Мироздание на секунду обрело дар речи и решило поздороваться.

Эймос обернулся и увидел человека, который показался ему в первую секунду не вполне настоящим. Не то чтобы он был прозрачным или светился — нет. Просто все окружающие предметы — доски причала, вода, небо — как будто немного потускнели в его присутствии. Словно реальность признала его главнее себя и уступила часть своей яркости.

Незнакомец был высок и худощав. На нем был сюртук такого безупречного покроя, какого не видели не только в Закатном Тупике, но, держу пари, и в самом Сент-Луисе. Ткань была темно-

серой, с искрой, которая, казалось, не отражала солнце, а поглощала его. Жилет был из черного атласа, а шейный платок — из белого шелка. Ботинки сияли так, что в них можно было бриться. Но самым примечательным было лицо.

Это было лицо человека, которому на вид можно было дать и двадцать пять, и сорок, и сто лет — в зависимости от того, под каким углом на него смотреть. Черты были правильными, даже красивыми, но в этой красоте таилось что-то отталкивающее, как в цветке, который пахнет падалью. Глаза, темные и глубокие, глядели на мир с выражением спокойного, всепонимающего цинизма. Легкая улыбка играла на тонких губах — такая улыбка, которая не обещает ничего хорошего, но и не предвещает ничего дурного. Просто констатирует: «Я знаю то, чего не знаешь ты, и это знание меня забавляет».

— Здравствуйте, сэр, — ответил Эймос, стараясь держаться вежливо, как учила мать. — Вы, должно быть, приезжий? У нас тут редко бывают джентльмены в таких... таких...

— Ботинках? — подсказал незнакомец с легкой усмешкой.

— Я хотел сказать «в таких обстоятельствах», но ботинки тоже впечатляют, — честно признался Эймос.

Незнакомец рассмеялся. Это был странный смех — сухой и безэмоциональный, словно он прочел в книге, что в этом месте надо смеяться, и добросовестно выполнил предписание.

— Меня зовут Соломон Плятт, — сказал он, протягивая руку в лайковой перчатке. — Коммивояжер. Продаю молнии.

Эймос нахмурился. Молнии? Он слышал о коммивояжерах, которые продают Библии, кастрюли, патентованные лекарства от всех болезней и даже искусственные зубы, но молнии...

— Вы шутите? — спросил он.

— Ни в коем случае. — Мистер Плятт извлек откуда-то из-под полы сюртука небольшой прибор, напоминающий стеклянную банку, обмотанную медной проволокой и увенчанную металлическим шаром. — Лейденская банка. Последнее слово науки. Аккумулирует электрический заряд. Прикоснитесь сюда — и вы почувствуете силу, которая движет миром.

Эймос протянул палец, но в последний момент отдернул. Что-то в глазах мистера Плятта подсказывало ему, что прикосновение к шару будет не просто щекоткой.

— Благоразумно, — кивнул мистер Плятт, убирая прибор. — Вижу, вы мальчик неглупый, хотя и воспитанный в традициях, которые глупость возводят в добродетель. Как вас зовут?

— Эймос Кроу, сэр. Сын Джебедаи Кроу, который... ну, вы его, наверное, не знаете.

— Я знаю всех, — сказал мистер Плятт таким тоном, каким говорят о погоде.

И тут Эймос заметил это. Заметил то, чего не мог заметить раньше, потому что не смотрел. Солнце клонилось к западу, отбрасывая длинные, резкие тени. Тень Эймоса тянулась по доскам причала, тонкая и изломанная. Тень от столба лежала черной полосой поперек мостков. А

мистер Плятт не отбрасывал никакой тени. Там, где должна была находиться темная фигура, распластанная на досках, была только залитая солнцем поверхность.

Эймос протер глаза. Потом снова посмотрел. Тени не было.

— Что-то не так, мистер Кроу? — осведомился Плятт.

— Ваша... ваша тень, сэр, — прошептал Эймос, чувствуя, как холодок пробегает по спине, несмотря на жару. — Где она?

— Ах, это, — Плятт махнул рукой, словно речь шла о потерянной пуговице. — Видите ли, я нахожусь здесь в командировке и не счел нужным брать ее с собой. Тень — это привилегия оседлых, а я, знаете ли, странник.

Такого объяснения Эймос не ожидал. Оно было настолько абсурдным и в то же время подавалось с такой невозмутимой уверенностью, что мальчик на мгновение засомневался в своем рассудке. Может, у него солнечный удар? Может, он задремал на солнце и видит сон?

— Я не сплю, — сказал Плятт, словно прочитав его мысли. — И вы не спите. То, что вы видите, — реальность. Одна из многих. Не самая приятная, но и не самая скверная, смею вас заверить.

Он уселся на край причала рядом с Эймосом с грацией, которая была почти женственной. От него пахло чем-то, чему Эймос не мог подобрать названия — не то грозой, не то старой бумагой, не то пылью, которая скапливается в углах заброшенных домов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.